

Последняя звезда Ballets Russes в Австралии

- Публикация от 22 Августа 2011 г. газета «Единение» Австралия
- [Статья](#)
- [Комментарии](#)

Наш корреспондент Владимир Кузьмин беседует с бывшей балериной Анной Волковой, солисткой прославленного «Русского балета».

Анна Волкова, солистка балета Ballets Russes

В апреле 2011 года австралийский корреспондент Диана Плэтер написала статью в газете The Sun-Herald о русской балерине, живущей в Австралии. Мы связались с Анной Владимировной и попросили ее рассказать о жизни, и о самом влиятельном балетном ансамбле 20 века — «Русском балете», или, как он назывался на западе, Ballets Russes.

«Русские сезоны», а затем «Русский балет» был основан в начале прошлого века русским театральным деятелем Сергеем Дягилевым в Париже. В труппе работали такие мировые знаменитости как Вацлав Нижинский, Владимир Фокин, Серж Лифарь, Джордж Баланчин. После смерти Дягилева в 1929 году его дело продолжил бывший офицер, антрепренер Колонель де Базиль (полковник В. Г. Воскресенский). Его балетная труппа под именами — «Русский балет Монте-Карло», «Русский балет де Базиля», «Подлинный русский балет» танцевала до начала пятидесятых годов. Именно в ней блистали звезды балета Ирина Баронова, Тамара Туманова, Татьяна Рябушинская. Немало главных ролей было и у солистки балета Анны Волковой.

Сегодня, спустя более 60 лет после того, как молодая балерина последний раз танцевала на гастролях с «Русским балетом» в Бразилии, Анна Владимировна вспоминает о детстве и, конечно, о балете, который остался, по ее словам, «в крови на всю жизнь». Сидя в любимом кресле в уютной квартире в тихом северном сиднейском районе, она говорит на русском языке, практически без акцента, лишь иногда останавливается, чтобы подыскать нужное слово. «Я так давно не говорила по-русски», — немного волнуясь, говорит Анна Владимировна.

Из большевистской России — Родилась я в Москве в 1917 году. Так что прожила я уже немало. Отец мой был морским офицером, а мать — из известной семьи Пастуховых. (Пастуховы были богатейшими купцами и промышленниками в Ярославле, о них даже упоминал в своих заметках Александр Дюма. Прим.ред.) Это было страшное время — война, революция. Я, конечно, была тогда совсем маленькая и этот период рассказываю со слов моих родителей.

Отец имел последнее назначение в Крыму. Когда в Ялту пришли большевики, они стали преследовать офицеров. Многие из них были убиты. Отец должен был скрываться в холмах за городом. Как-то поздно ночью он пришел домой и сказал маме, что она должна завтра взять корзинку и вместе с детьми идти, будто на базар. «Я получил для вас разрешение на пароход. Обо мне не думай, — сказал он. — Главное, чтобы вы попали на этот пароход. Ты должна спасти семью. Если я смогу, я тоже постараюсь пройти». Это был последний пароход из Ялты, он шел под Красным крестом и был наполнен ранеными военнопленными. Все каюты были заняты, нас послали на палубу, где были отгорожены места для семей. В последнюю минуту, когда мы уже отправлялись, мама увидела, как папа прошел на пароход. Первая остановка была в Севастополе.

Не помню, мы добирались дальше, но, в конце концов, мы попали в Югославию. Мой отец думал, что это временно, и мы скоро сможем вернуться. Но пришлось как-то обустраиваться, чтобы выжить. Мама в свое прическе смогла вывезти кулон с бриллиантом. Это все, что у нас было. Когда его продали — этого хватило на еду пока мы оставались в Югославии. Поскольку у нас не было документов, через полтора года нам сказали, что мы должны покинуть страну.

Мои родители говорили дома по-французски

Родители в довоенные годы часто ездили во Францию, любили эту страну и дома между собой говорили по-французски. Поэтому они хотели попасть туда. Папа прочитал, что после войны район Эльзаса-Лотарингии (Alsace-Lorraine) отошел к Франции и туда требовались специалисты на заводы. Так и случилось. Вскоре мы оказались в этом районе Франции. Вначале произошел необычный случай, который повернул нашу жизнь в правильном направлении. Когда отец при приеме на металлургический завод рассказывал о себе, то упомянул, что мамина фамилия Пастухова. Оказалось, что директор французского завода раньше был в России и посещал металлургические заводы, которыми владела мамина семья. Все для нас сразу переменялось. Нам дали свой дом и папа, который, конечно, ничего не понимал в металлургии, получил работу по набору на завод рабочих из разных стран Европы. В этом ему помогло и то, что он говорил на нескольких языках. Мы прожили там около двух лет.

Вскоре произошло еще одно событие, которое вновь повернуло нашу жизнь. У меня было двое старших братьев. Они ездили на поезде из городка Нивож, где находился завод в ближайший большой город Тионвиль в школу, которая находилась у большой реки. Однажды во время сильных дождей река разлилась. Переходя через мост, один из школьников упал в воду и стал тонуть. Мой старший брат спас его. Многие взрослые наблюдали это и были восхищены его смелостью. Об этом написали в газете. Мой брат очень гордился этим. Вскоре родители

с удивлением узнали, что правительство дало ему медаль и стипендию на обучение в любой школе страны.

Папа решил воспользоваться этим, оставить завод и переехать жить в Париж. Старшего брата устроили в хороший колледж с проживанием. Ну, а нам опять пришлось непросто. Папа был без работы, мама не умела ничего делать, и на руках у них было двое детей. У родителей были хорошие друзья из России — Краевичи, которые приютили нас на первое время. Вскоре папа получил работу бухгалтера в издательстве.

Впервые на сцене

Мне исполнилось семь лет, я пошла в школу и с 10 лет начала заниматься балетом. В детстве мне никогда не приходило в голову, что я стану балериной. Опять в мою жизнь вмешался счастливый случай. У мамы была знакомая, которая работала пианисткой в балетной школе, где преподавала Ольга Преображенская, бывшая прима-балерина Мариинского театра в Петербурге. Она предложила маме привести меня в школу. Платить нам было нечем, но Преображенская сказала маме: «Приведите ее к нам на неделю. Если она покажет способности, мы увидим». Через неделю меня оставили в школе. Она оказалась моя первая и последняя учительница. Я проучилась здесь 7 лет.

Вначале, должна сказать, меня эти занятия совершенно не заинтересовали. Примерно через четыре года наши уроки пришла смотреть группа каких-то людей. Оказалось, что один из них был Колонель де Базил, у которого была балетная труппа «Русский балет». Он предложил мне

присоединиться к его балету на несколько недель в Лондоне. Я посоветовалась с родителями. Мой папа был совсем не строгим, но он хотел, чтобы я закончила школу, а потом могла сама выбирать, что я хочу делать. Поскольку поездка предполагалась недолгой, он согласился. «У тебя будет возможность практиковаться в английском», — сказал он. Так я в первый раз оказалась на сцене. Я танцевала сзади, в кордебалете. Мы выступали в одном из лучших театров, в Ковент Гардене. Получали мы за работу не много, едва хватало, чтобы прожить, но мы этого не замечали. У балета был такой успех, что вместо нескольких недель мы выступали в Лондоне четыре месяца. Затем балет, не вернувшись в Париж, сразу уезжал в США, получив контракт на пять месяцев.

Я поговорила с папой, но он был против: «Ты должна вернуться, получить школьный диплом, а потом езжай куда хочешь», — сказал он. Мне тогда было пятнадцать лет и было ужасно жалко расставаться с балетной труппой. В этот момент я вдруг почувствовала, что балет это именно то, чем я хочу заниматься в жизни. В тоже время я понимала, как мало я знаю. И о балете, где находилась только в начале пути, и о том, как жить самостоятельно. Так я вернулась в школу к Преображенской. Дополнительно я стала брать уроки у другого педагога — Егоровой. Эти школы соперничали. Поэтому я ничего не говорила Преображенской, хотя думаю, она знала. В мире танцев трудно что-то утаить.

Закончив школу, я вернулась в балет де Базиля. Начались постоянные гастроли. Каждый год на три месяца мы выезжали в Лондон в Ковент Гарден. Когда недавно я смотрела фильм «Король говорит» об английском короле Джорже VI, я вспоминала, как на одном из наших представлений в Лондоне, он был на нашем балете и даже пришел за кулисы с женой — королевой Елизаветой.

Гастроли в Австралии и Америке

— Прежде чем продолжить рассказ о вашей балетной жизни, расскажите, как сложилась судьба вашей семьи, ваших братьев.

— Оба брата стали военными, в последнюю войну (Вторую мировую. Прим.ред.) воевали во французской армии. Старший брат Владимир был на линии Мажино, которая, как предполагали французы, должна была остановить любого врага, но пала почти без боя. А второй брат попал в плен к немцам и оказался в лагере Stalag XIII, известном жестоким отношением к военнопленным. Но оба вернулись домой. Вначале старший, после подписания мира в Виши и оккупации немцами Парижа, а затем и второй. После войны старший брат стал журналистом, а второй Андрей — художником. Отец умер за год до прихода немцев, мама осталась одна. Когда я уже оказалась в Австралии, мама приехала жить ко мне сюда. А позже в Австралию приехал и брат Андрей с женой и тремя детьми. Оба брата, к сожалению, уже умерли.

— Вернемся к вашей балетной карьере и пути в Австралию.

— В 1936 году де Базиль сформировал вторую группу в нашем балете и отправил ее в тур по Австралии. В то время в Австралии мало знали о настоящем балете. Театры были лишь в больших городах. Первые гастроли прошли очень успешно. Я приехала на вторые гастроли в 1937 году. Гастроли длились 7–8 месяцев, и успех был невероятный.

Когда я уезжала из Австралии на пароходе, я встретила своего будущего мужа. Оказалось, что он был наслышан про выступление балета и про меня от своих друзей и был рад неожиданной встрече. Маршрут в Лондон длился 4–5 недель, поэтому время роману созреть вполне было достаточно. Джим Барнс занимался греблей и ехал в Англию выступать в спортивной регате в Хэнли. По приезду в Лондон мы начали наши выступления, и Джим каждый вечер был в театре. Затем он провожал меня домой, где я жила в маленькой квартирке с мамой, которая приехала меня навестить из Парижа. Пригласить внутрь я его не могла, так что мы садились на лестницу у моей квартиры и говорили. Нужно сказать, что обстановка в стране была очень гнетущая. Никто не сомневался, что впереди война с Германией. И вот однажды на лестнице он сказал, что должен вернуться в Австралию и предложил мне выйти за него замуж. Я не могла тогда выйти за него замуж и уехать с ним, оставив маму. Я сказала, ему: «Давай подождем, пока не кончится война». И после этой встречи пять лет мы не видели друг друга.

В конце войны я получила от него телеграмму. Я тогда была в Рио-де-Жанейро, в Бразилии. В телеграмме Джим написал: «Идет война или нет — я приглашаю тебя приехать ко мне в Австралию». И я ответила: «Да».

Здесь следует рассказать о том, что во время войны Колонел де Базиль сумел получить для нашего балета контракты на выступления подальше от военной Европы: в США и Южной Америке. Это было не просто. В труппе были артисты 19 национальностей. Одно получение виз могло вывести кого угодно из равновесия. Но де Базиль был хороший бизнесмен. Мы выступали во многих городах США и проехали 117 маленьких городов. Каждый день выступление было в новом месте. Это было тяжело, но мы все любили балет, он был у нас в крови. И это нам помогало выдержать нагрузки. Затем балет перебрался в Южную Америку. Вначале у нас были выступления в Аргентине, затем в других местах и завершились гастроли в Бразилии. Здесь де Базиль сказал нам грустную новость, которую мы уже подозревали, что после выступлений в Рио у нас нет больше контрактов, и нам предлагалось делать, что мы хотим. У нас, русских, были нансеновские паспорта, но мы не могли вернуться во Францию, потому что она была оккупирована. Мы не знали, что нам делать. И опять, как часто бывало в моей жизни, произошло что то, что помогло мне. В последнюю неделю мы давали балет «Золотой петушок». Это красивый балет, прекрасная музыка, у нас были замечательные костюмы Гончаровой. Роль Петушка исполняла я. После спектакля я выходила из театра со своей подругой Таней Лесковой (ее дедушка был известный русский писатель). К нам подошел молодой господин и сказал, что он представляет казино «Кобакобана». В Рио три больших казино, и «Кобакобана» было самым богатым. Директор казино был в театре и видел наш спектакль, который ему понравился. В результате они решили пригласить меня выступать в их театре. С одной стороны это было просто чудо, так как деньги предлагали большие, а с другой стороны — казино после нашего балета!

Мы обсудили с Таней и решили, что вдвоем нам было бы не так страшно. И так мы подписали контракт на 7 недель. Де Базиль, когда узнал, что мы уходим, не хотел отдать нам наши паспорта, хотя сам объявил, что контрактов больше нет. Директор казино, прослышав про истории с паспортами, нам сказал: «Я мог бы обойтись без вас, нанять других артистов. Но потому, что ваш директор так себя ведет, я ему докажу, что у меня больше сил». И, правда, в Рио он был, как король. Наши страхи по поводу казино оказались напрасными. Шоу было даже слегка «старомодным», никто не заставлял нас раздеваться или делать что-либо такое. Вскоре контракт продлили. Оказалось, что я задержалась там на полтора года, а Таня осталась в Бразилии на всю жизнь. Позже она открыла в Рио свою школу балета. Ставила балеты в различных странах. В 2007 году Таня приезжала в Австралию, ставить здесь балет.

А я, когда получила телеграмму от Джима, уже не сомневалась, я хотела создать семью, иметь детей. Было приятно, что Джим ждал меня столько лет.

Хозяйка поместья

Впрочем, когда я приехала после 9 месяцев ожидания австралийской визы, оказалось, что Джима, который был в армии, послали в Индию. Меня встречала его мать и сестра. Я не знала, из какой семьи Джим, есть у них деньги или нет. В молодости это всегда на втором плане. Оказалось, что у его родителей были дома в дорогих районах Сиднея на Воклюз и на Палм Бич, и большое поместье под Канберрой. Джим всегда интересовался лошадьми и прекрасно скакал на лошади, позже он был президентом Федерации конного спорта Австралии. Мы поженились, и я решила закончить с балетом. Борованский основал свой балет здесь, приглашал меня, но я решила, что у меня новый этап моей жизни.

Я стала женой, матерью двум мальчикам — Джимми сейчас работает ветеринаром в Ньюкасле, как и отец, влюблен в лошадей. А Джон уже во взрослые годы вернулся в университет и закончил его по специальности Искусство, сейчас делает докторат.

Еще один поворот в моей жизни произошел, когда мы поехали жить и управлять поместьем семьи Джима. Я в Англии бывала раньше на ферме, где было несколько десятков овец, но здесь были тысячи овец. Соседи, когда мы уже познакомились, рассказывали, что они спорили, как долго я проживу в поместье. Самый большой срок был — 6 недель. Я прожила там 19 лет. Даже открыла маленькую балетную школу. Мои два сына этим не интересовались, а у меня, как я говорила, балет в крови. Позже, когда Джим заболел, мы вернулись в Сидней. Сейчас его уже нет семь лет. Я живу одна, правда, мои дети не забывают, приезжают ко мне.

Я не могу простить

— Вас увезли из России, когда вы были еще младенцем. Затем вы жили во Франции, других странах, больше шестидесяти лет живете в Австралии. Практически не встречаетесь с русскими. Когда вам удалось так хорошо выучить русский язык. Вы ведь не ходили в русскую школу?

— Конечно, нет. В детстве, когда мы жили во Франции, наш отец дома заставлял нас говорить по-русски. В балете были русские, но больше говорили по-французски и по-английски. Сейчас, я очень рада, что могла говорить по-русски, и язык не забыт. Но мне трудно слушать русские новости, я не понимаю, дикторы говорят очень быстро.

— Вы прожили большую жизнь. Даже не верится, что вы с родителями бежали от большевиков сразу после революции. Когда мы разговаривали с Ириной Бароновой, уже в конце ее жизни, хотя ее жизнь сложилась очень успешно, у нее и тогда не зажила боль, что ее семье пришлось оставить Россию. Какие чувства у вас это вызывает?

— Боль остается на всю жизнь. Не за себя, я этого не видела. Я не могу простить из-за моих родителей. Отец до последних своих дней мечтал, что он сможет вернуться в Россию.

— А ваши дети, ощущают ли они, что у них половина русских корней?

— Да, они оба ездили в Россию. Старший, был там дважды. Младший, Джонни, три раза. Он очень русский, по душе и характеру.

Русская душа австралийского балета

— *Вернемся вновь во времена Ballets Russes. Сколько человек было в вашей танцевальной группе?*

— У нас в труппе было более 50 человек, 30 женщин-танцовщиц и около 20–25 мужчин. Старшая группа танцевала еще при Дягилеве.

— *С кем еще из русских танцоров вам пришлось танцевать?*

— У нас танцевала Ирина Баронова, Туманова, Рябушинская, Вершинина, Морозова, которая вышла замуж за нашего директора де Базилья. Перед самой войной де Базилья взял несколько молодых танцовщиц — Татьяну Лескову, Попову, Гончарову, Берман.

— *Особый разговор о ваших костюмах. Сейчас в Канберре прошла выставка театральных костюмов Ballet Russes.*

— После смерти Дягилева де Базилья купил дягилевские костюмы и старался поддерживать репертуар дягилевской труппы. Костюмы были от самых известных художников. У нас были костюмы по рисункам Пикассо, Гончаровой, Бакста, Бенуа.

— *На сценах, каких известных театров вы выступали?*

— В Англии, я говорила, это был известный Ковент Гарден, в США — театр Оперы на 42 улице, Опера Хаус в Рио, в Австралии мы выступали в старом здании Royal Theatre в Сиднее, Her Majesty в Мельбурне.

— *А во Франции вы выступали?*

— Нет, мне не пришлось. После войны де Базилья восстанавливал труппу во Франции, но я уже не выступала в то время.

— *Русский балет во многом помог сформировать балет в Австралии, кто участвовал в этом?*

— Несколько танцоров из нашей компании остались в Австралии после нашего последнего визита. Это были Кира Абрикосова, Серж Буслов, Эдуард Борованский, Раиса Кузнецова,

Валерий Шаевский, Эдуард Собишевский, Тамара Чинарова. Они открывали студии, учили австралийцев. Борованский открыл очень известную балетную школу в Мельбурне. Я считаю, что именно он начал серьезный балет в Австралии.

— *Я знаю, что Ирина Баронова была вице-президентом Королевской академии танца в Сиднее.*
— Да, она учила детей во многих балетных школах и давала мастер-классы уже сложившимся артистам балета. Последние годы своей жизни она жила в Байрон Бэй, на севере Нового Южного Уэльса.

Балерина Тамара Чинарова из нашего балета выступала в 40-е годы в балете Борованского. Она была замужем за австралийским актером Питером Финч, и сейчас живет в Англии.

А в Австралии из Ballets Russes теперь осталась только я.

Беседовал

[Владимир Кузьмин, Сидней](#)